

Под раскидистым вязом, шепчущим «че-ше-ще»,
превращая эту кофейню в нигде, в вообще
место — как всякое дерево, будь то вяз
или ольха — ибо зелень переживает вас,
я, иначе — никто, всечеловек, один
из, подсохший мазок в одной из живых картин,

которые пишет время, макая кисть
за неимением, верно, лучшей палитры в жисть,

сизжу, шелестя газетой, раздумывая, с какой
натуры все это списано? чей покой,
безымянность, безадресность, форму небытия
мы повторяем в летних сумерках — вяз и я?